

НАТАША КОНЧАЛОВСКАЯ

НАША
ДРЕВНЯЯ
СТОЛИЦА

Часть 3

ЧТО НЕГЛИННАЯ РЕКА ПОВИДАЛА ЗА ВЕК

За Москвою, за столицей,
В роще Марьи молодицы
Начинался ручеёк.
Он шумел, журчал, струился,
Он с Напрудной речкой слился
На лужайке — Самотёк.
И, не ведая покоя,
Зажурчал ручей рекою,
Что Неглинкой назвалась
И своим путём-дорогой,
До Москвы-реки широкой
Через город пробралась.
Уж не так чтоб очень длинный
Был тот путь реки Неглинной —
Не в пример Десне, Протве,
Всё ж Неглинная немало
На своём пути видала,
Протекая по Москве.

Протекала под Сущёвом,
Под большим селом дворцовым,
Где пахали по весне,
Скот водили, пряли, ткали
И доходы собирали
Государевой казне.
И вечернею порою
На Неглинку к водопою
Звал жалейкою пастух
Из приволья пастбищ мирных
Всех овец, баранов жирных,
Всех бурёнок да пеструх.
Напоив стада собою,
Воды лентой голубою
Звонко пели, а потом
Протекали, не журчали
Мимо берега печали,
Где стоял «убогий дом»,
Дом для странников бездомных,
И слыхала речка, скромно
Протекая меж коряг,
Как на кладбище звонили,
Неизвестных хоронили —
Нищих, пришлых да бродяг.

Пряча силу в быстрых водах,
Меж урочищ, огородов
По Москве река текла,
В те века в столице старой
Были частые пожары —
Выгорало всё дотла.
И Неглинная, бывало,
Москвичам воды давала,
Чтоб огонь тушить шальной.
А на площади на Трубной
Торг был раньше лесорубный,
Пахло дубом и сосной.
И, бывало, там из дуба
Продавались избы-срубы
На высоком берегу.

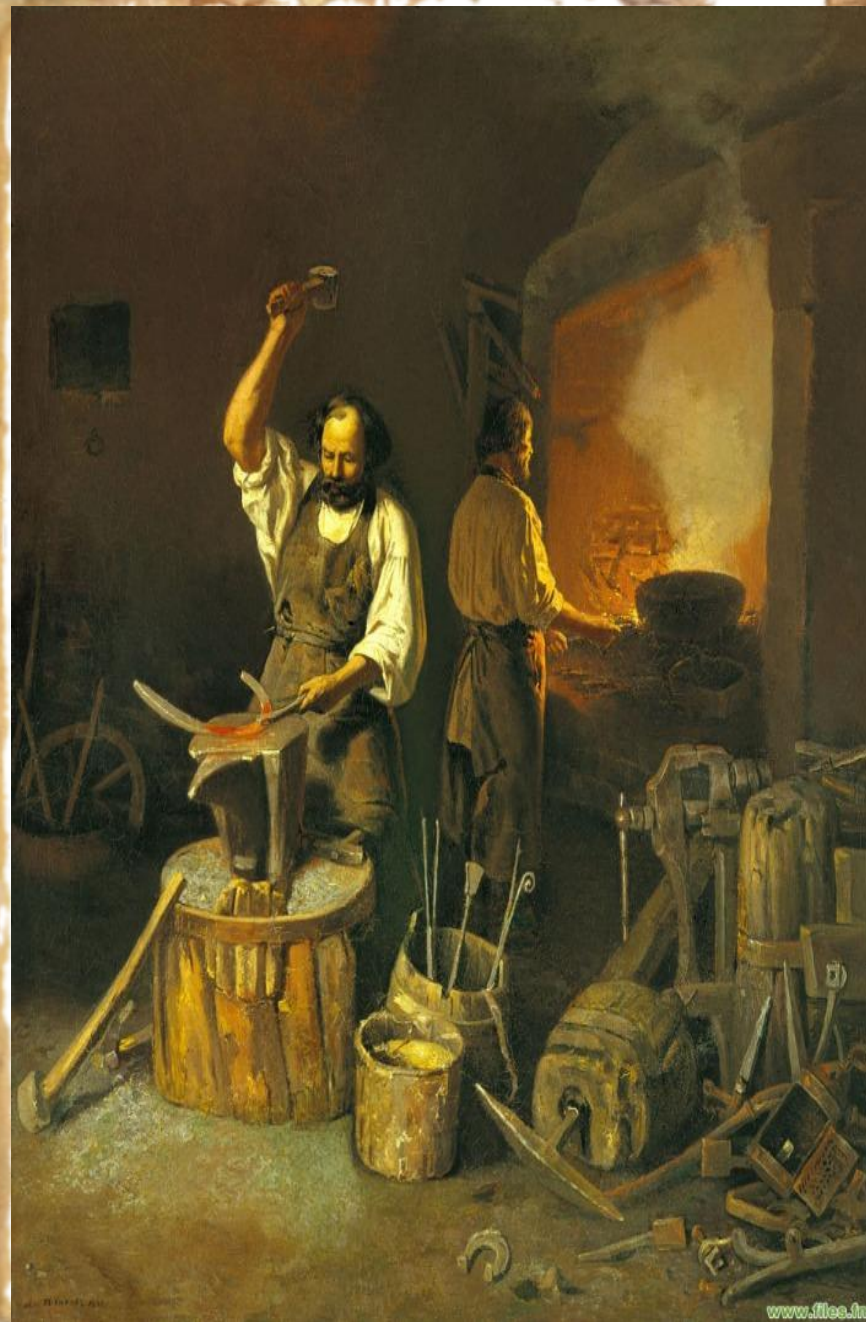

Тут же сажены, коль надо,
Семена, кусты для сада
Покупали на торгу.
Этот торг служил когда-то
Для того, кто жил богато, —
Для князей, купцов, бояр.
Был омыт водой проточной
Тот московский торг Цветочный.
Ныне там — Цветной бульвар...
Дальше речка почему-то
Заворачивала круто
До Кузнецкого моста.
Над Неглинною рекою
Мост название такое.

Там над самою водою
Жили целой слободою
Всё литейцы — кузнецы.
Грохотали вечно горны,
Дым клубился едкий, чёрный,
Громко звякали щипцы.
Там в дыму, в железной пыли
Кузнецы в лачугах жили.
А повыше, на горе,
Двор, что Пушечным прозвали,
Потому что отливали
Медны пушки в том дворе.
День и ночь была работа,
И на Пушечной ворота
Открывались в этот двор.
Эту улицу отметим,
Мы её названьем этим
Прозываем до сих пор...

В бане, с веничком да в
 мыле,
 Люди русские любили
 Поваляться на печи.
 Испокон веков недаром
 Поздравляли «с лёгким
 паром»
 Наши предки-москвичи.
 Уверяли все знахарки:
 Мол, в хорошей банной
 парке
 Веник гонит хворь да боль...
 Бани были на Неглинке,
 Где Свердлова площадь
 ныне,
 Там, где зданье
 «Метрополь».
 Москвичей помыв, Неглинка
 Шла...
 На...
 Но...
 В п...
 Всё до самого Кремля...

А в жару река мелела,
И стоял высоко, смело
Воскресенский мост над ней,
Там был рынок на Неглинной,
Овощной, фруктовый, дынный
(Ныне там стоит музей).
И летели в реку с горки
Кочерыжки, шкурки, корки
И фруктовое гнильё.
Воробьёв летали стайки,
Уж под мост сюда хозяйки
Полоскать не шли бельё.
Под стеной кремлёвской новой
Шёл весной поток бедовый,
Чтоб простор себе найти,
Шёл под Троицкий мост с
Кутафьей,
Шёл в Москву-реку, отдав ей
Всю добычу по пути.

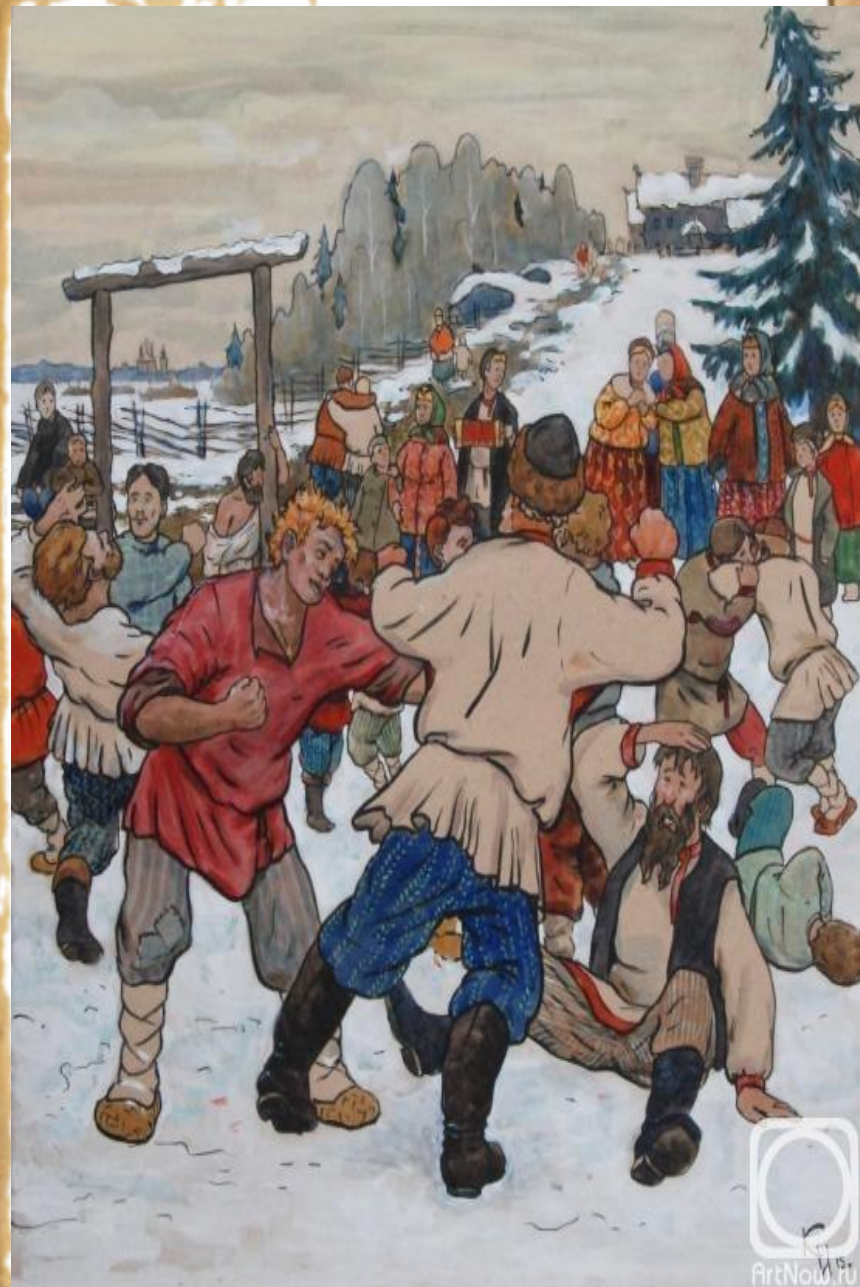

Там теперь стоит ограда
Александровского сада
Под кремлёвскою стеной.
Ветерок гуляет свежий
Возле старого Манежа
Даже в душный, летний зной.
А зимой с морозной дымкой
Подо льдом несла Неглинка
Воды быстрые свои.
На Москве-реке, бывало,
Через лёд она видала
Все кулачные бои.
Москвичи любили драться:
«Ну-ка! Кто смелее, братцы?
Выходи-ка, силачи!»

Не на зло, не на расправу —
На потеху, на забаву
Бились предки-москвичи,
А на масленой неделе
Скоморохи там дудели
В берестяную дуду —
Собирались на гулянье,
На весёлое катанье,
Представление на льду.
И, покамест князьи дьяки
Не начнут с народом драки,
Потешались мал да стар,
Как высмеивали лихо
И дородную купчиху,
И монахов, и бояр...

Пять веков с тех пор минули,
Под землёй в трубу замкнули
Всю Неглинную давно.
И с тех пор Москве-столице
Много раз перемениться,
Видно, было суждено.
Но под башней Водовзводной
Есть в Москве-реке холодной
Место, что кипит слегка.
Можно видеть с парапета
За решёткой место это,
Там — Неглинная река.
Ведь прошло уж больше века,
Как лишили эту реку
Полновластья своего,
И кипит она сердито,
Потому что вся закрыта
И не видит ничего!

ПРО СУДЕБНИК И ПРО СУД, ГДЕ СУДИЛСЯ РУССКИЙ ЛІ

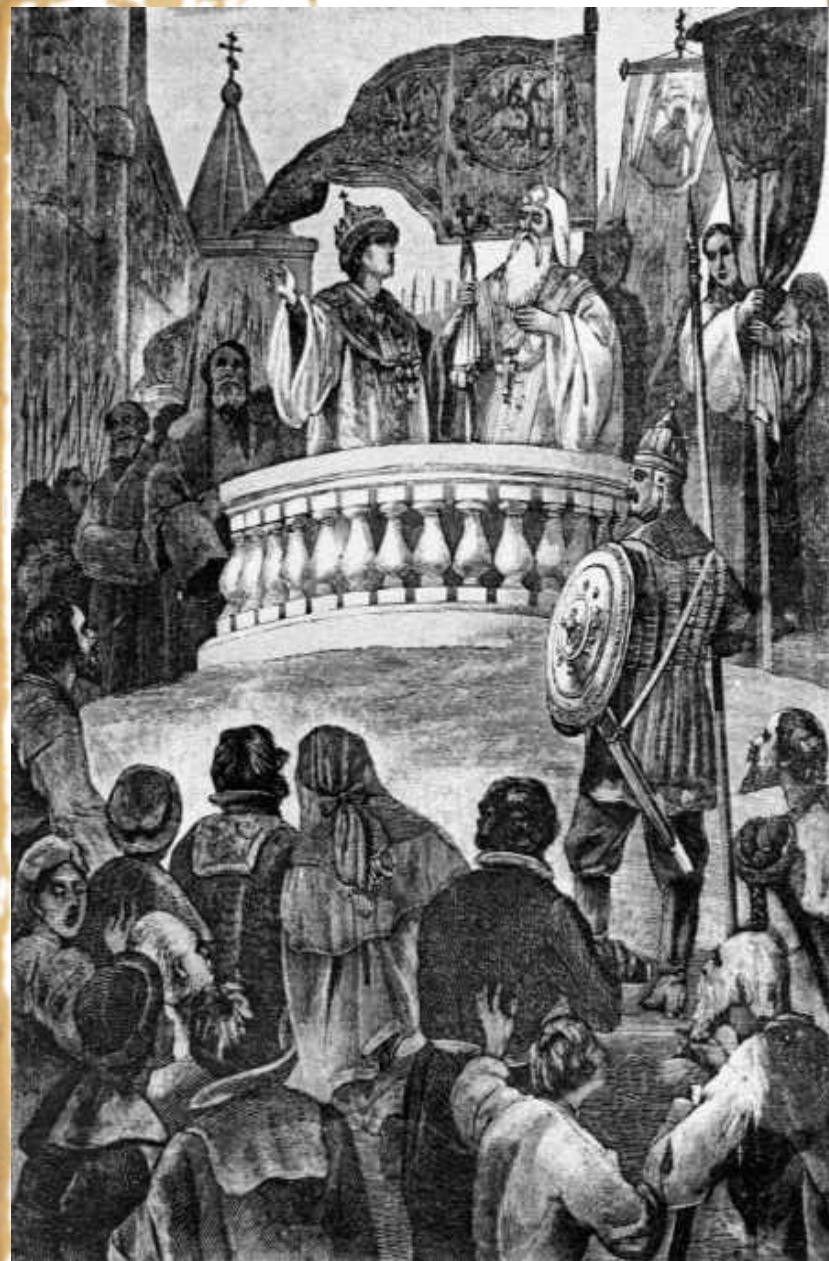
Суд «Русской правдой»
величался,
Но правды не было на грош:
Когда над слабым суд свершался,
Всегда торжествовала ложь.
Не каждый мог поспорить с нею,
—
Один другого обобрав
И став богаче и сильнее,
Во всяком деле будет «прав».
Бывало, люди в «божьей воле»
Искали шаткий свой закон,
И суд тогда свершался в поле —
На поединке двух сторон.
Тот поединок не потеха...
Представь себе, читатель мой,
На конях двух людей в доспехах.
Они вступают в смертный бой.
Они гоняются по кругу,
С коня стремясь друг друга снять,
То налетают друг на друга,
То разъезжаются опять.

За ними наблюдают судьи,
В сторонке кучками родня,
Пока один с пробитой грудью
Ничком не валится с коня.
Кто одолел, тот «выиграл» дело,
Он прав, он честен,
справедлив...
Родные тащат с поля тело,
Себе на плечи труп взвалив.
Все знают, что погиб он даром,
Что неповинен, бедный, был,
Но отстоять права ударом
Не мог он, не хватило сил!
Берёт убийца без помехи
Всё то, за что судился он,
Берёт коня, берёт доспехи
Того, кто был в бою сражён.
Когда ж боялись драться сами,
То нанимали молодцов,
Иль откупались деньгами,
Иль княжий суд судил истцов.

И в каждом городе, бывало,
Свой князь, свой суд и свой устав.
И княжий нрав решал немало:
«Виновен тот! А этот — прав!»
Пришёл конец порядкам этим,
Объединились города,
Был на Руси Иваном Третьим
Введён судебник для суда.
И властью княжеской, исконной
В нём на двенадцати листах
В порядке собрались законы,
В стране единым правом став.
Давай-ка наугад откроем
Законы древнего житья.
Славянский шрифт красив и
строен,
Шестидесятая статья:
«А кто умрёт без завещанья
И нет в семействе сыновей,
Тот земли, дом и состоянье
Оставит дочери своей.

СУДЕБНИКЪ

Царя и Великаго Князя
Ивана Васильевича,

ЗАКОНЫ

изъ Юстиніановыхъ книгъ,

УКАЗЫ

Дополнительные къ Судебнику

и

ТАМОЖЕННЫЙ УСТАВЪ

Царя и Великаго Князя
Ивана Васильевича.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ.

при Императорской Академіи Наукъ 1768 года.

А нету дочки, все доходы
Пойдут ближайшему из рода».
Вот что «Судебник» говорил,
Чтоб зря истец не тратил сил.
Но создавал Иван недаром
«Судебник» свой в кругу друзей

—
Закон всегда служил боярам
И всем приспешникам князей.
Богач живёт, бедняк страдает,
Бедняк повсюду угнетён,
И это ясно подтверждает
Статьёй двенадцатой закон:
«А еж ли на кого покажут
Детей боярских пять иль шесть,
Иль целовальники докажут,
Что он-де вор, что кража есть,
То хоть не пойман никогда,
Наказан будет без суда».
Таков закон. Вот и попробуй,
Поди-ка оградись от бед,
Коль с ненасытною утробой
Богач, помещик — твой сосед...

1480 год

СВЕРЖЕНИЕМ ТАТАРСКОГО ИГА КОНЧАЕТСЯ ПЕРВАЯ КНИГА

Обуяла татарского хана Гордыня.
Он потомок прямой Чингис-хана!
Что-то мало ему подчиняется ныне
Русь великого князя Ивана!
Он сидит, хан Ахмет, тут, на Волге,
в низовье,
Через Волгу — всё русские сёла!
Уж пора бы Ахмету славянскою
кровью
Обагрить на полях меч тяжёлый.
А чтоб веры в удачу свою было
больше,
Он на помощь татарскому войску
Позовёт короля Казимира из
Польши,
И добычу разделят по-свойски!
Вот Ахмет Казимиру письмо
посылает,
С тонкой лестью, с восточным
елеем:
Дескать, дружеский факел за
Волгой пылает, —
С двух сторон нападём —

развалясь,
Тянет лапу с Днепра до Дуная,
Он лисой-сиводушкой залаял,
смеясь,
Добрый кус получить предвкушая.
Знал король, что идут на Руси
нелады,
Что с Иваном враждуют княжата,
Для единой державы нет хуже беды,
Чем обида двух братьев на брата.
Переманивал польский король двух
князей,
Поднимая на брата Ивана.
Те князья меж князей, не имея
друзей.
Перекинулись к польскому пану.
И дружины на запад князья повели,
Чтоб прислуживать польской короне.
Беглецов на границе литовской
земли
Обогнали татарские кони.
Где же было князьям догадаться, что
это
Казимиру посланье от хана

Вид у князя усталый, помятый.
Государю Ивану приносят врачи
Сон-траву и настойку из мяты.
Но лечебных отваров не надо ему,
И, прикрывшись парчовым
кафтаном,
Думу думал Иван при свечах в
терему,
Как бы сладить с Ахметом поганым.
«Хан Ахмет осмелел, собирается
драться,
Видно, спать не даёт ему слава
Батыя,
К Казимиру ушли два изменника-
братца,
Видно, горы он им посулил золотые.
А в Крыму точит копья хан Менгли-
Гирей,
Конных воинов там непочатая сила!
Надо будет стравить этих двух
главарей,
Чтоб одна злая сила другую
сломила.
Хан Ахмет Казимира зовёт на
подмогу,
Пусть Гирей перейдёт Казимиру

ЦАРЮ ІОАННУ IV^{му}

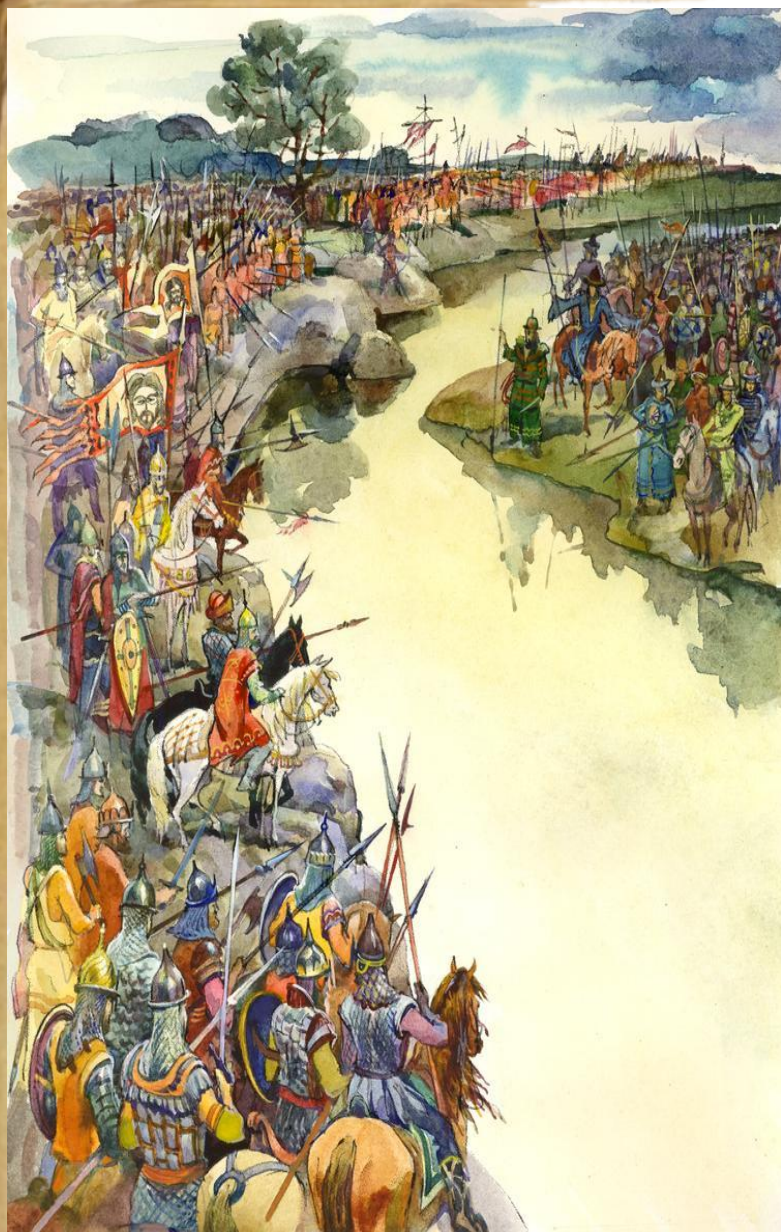
*Врукають трофеи, взятые у Девлетъ-Турка
Княземъ Воротынскимъ 1572. году.*

фитилёк,
Солнце бросило нить золотую.
Государь в терему на лежанку
прилёт,
В Крым Гирею посланье диктуя.
Дьяк слова выводил под
скрипенье пера,
Дьяк печать подносил для
посланья...

Доносилися шутки гонцов со двора
И коней государевых ржанье.
Хан Ахмет на Москву вёл войска
по Оке,
Далеко обходил он столицу.
Хан Ахмет собирался на Угре-реке
С Казимировой силою слиться.
И осеннюю ночью, туманной,
густой,
На побережье, под город Калугу
Он привёл все остатки Орды
Золотой,
Чтобы встретить вельможного
друга.

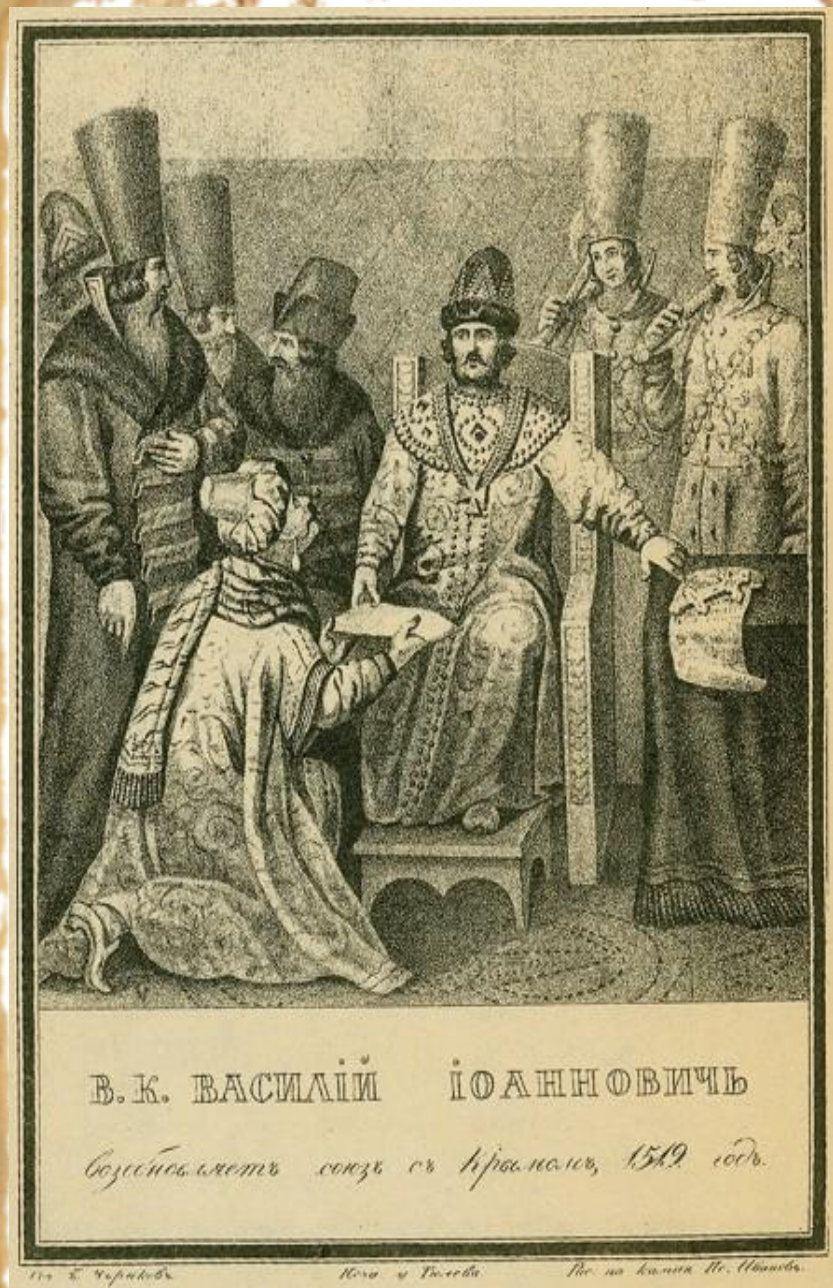
А когда на востоке забрезжил
рассвет,
Поредела завеса тумана,
На другом берегу вдруг увидел
Ахмет
Рать московского князя Ивана...
День прошёл. Ночь прошла.
День да ночь. День да ночь.
Князь Иван не снимается с Угры.
Казимир не торопится хану помочь,
И аллах отвернулся премудрый...
Хан Ахмет и не знает в гордыне
своей,
Что полякам теперь не до хана,
Что повёл своих конников Менгли-
Гирей
Грابتь вотчины польского пана.
И покуда шатры не увязли в снегах,
Не завывала морозная вьюга,
Всё стояли два стана на двух
берегах,
Не решаясь напасть друг на друга.

Встал на Угре-реке зимний лёд,
прочный лёд,
Голод с холодом верх забирают.
На Москву через лёд хан Ахмет не
идёт,
Рог орды отступление играет...
Учинился «стоянью на Угре» конец.
Со своею московскою ратью
Князь Иван шёл домой, и к нему в
Кременец
Прискакали с повинною братья.
Беглецы повернули домой с полпути
К братской помощи, к родине, к
миру,
А большие убытки пришлось
понести
Одному королю Казимиру.
Хан Ахмет возвратился от ярости
дик,
И, Москву обойдя стороною,
Он послал государю Ивану ярлык,
Ядовитою брызжа слюною:
«От высоких от гор и от тёмных

цари
От Батыевой сабли жестокой,
Сорок тысяч алтын мне теперь
набери
И отдай эту дань за три срока.
Да ещё островерхий колпак свой
вдави
В знак покорности хану Ахмету,
А не то потоплю твою землю в крови",
По хребтам по боярским проеду.
И как минет зима — девяносто ночей,
—
Снова стану для вас я бедою,
Доберусь до Москвы я с ордою моей,
Напою тебя мутной водою!...»
Государь прочитал и, спокоен и строг,
Повернулся к Ахметовым людям,
Бросил наземь ярлык под сафьянный
сапог
И сказал: «Дань платить мы не
будем!...»
С той поры не решалась нас грабить
орда,
Иго тяжкое сброшено было.
А в Орде началось несогласье.

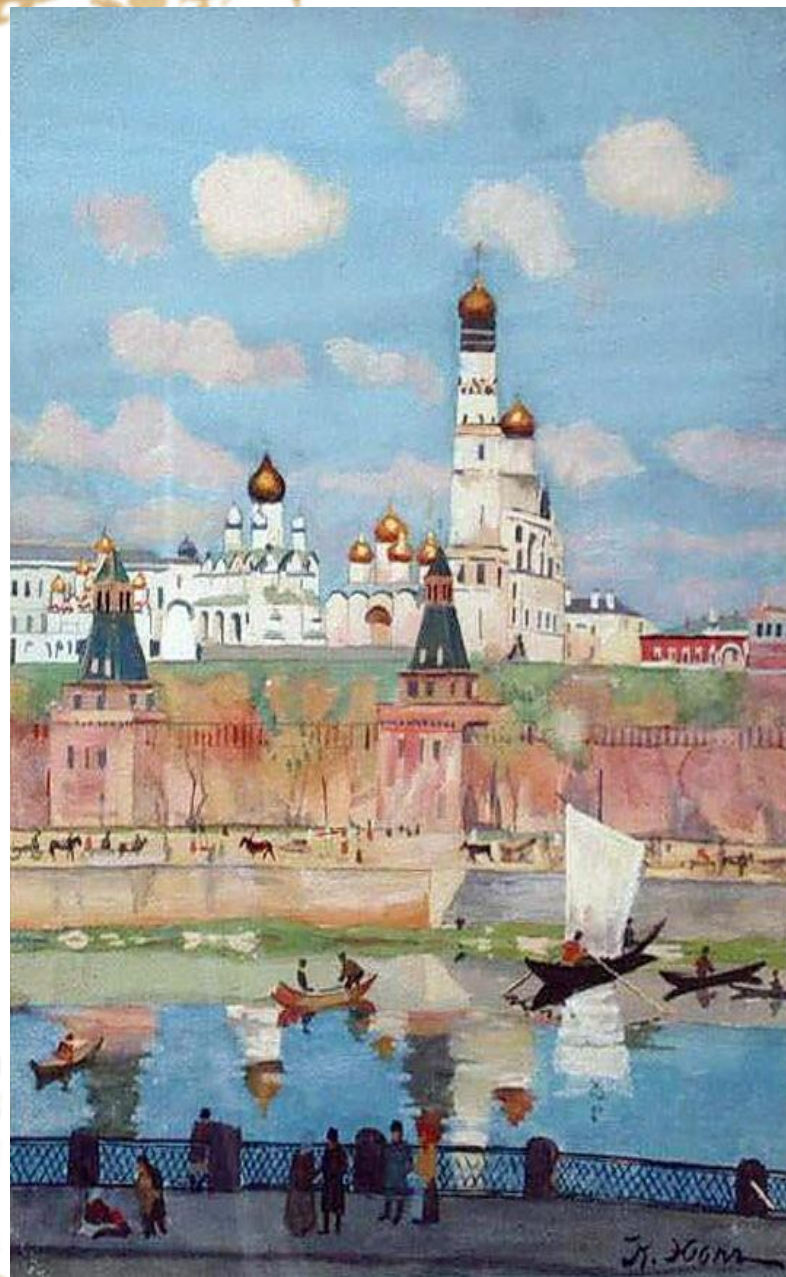

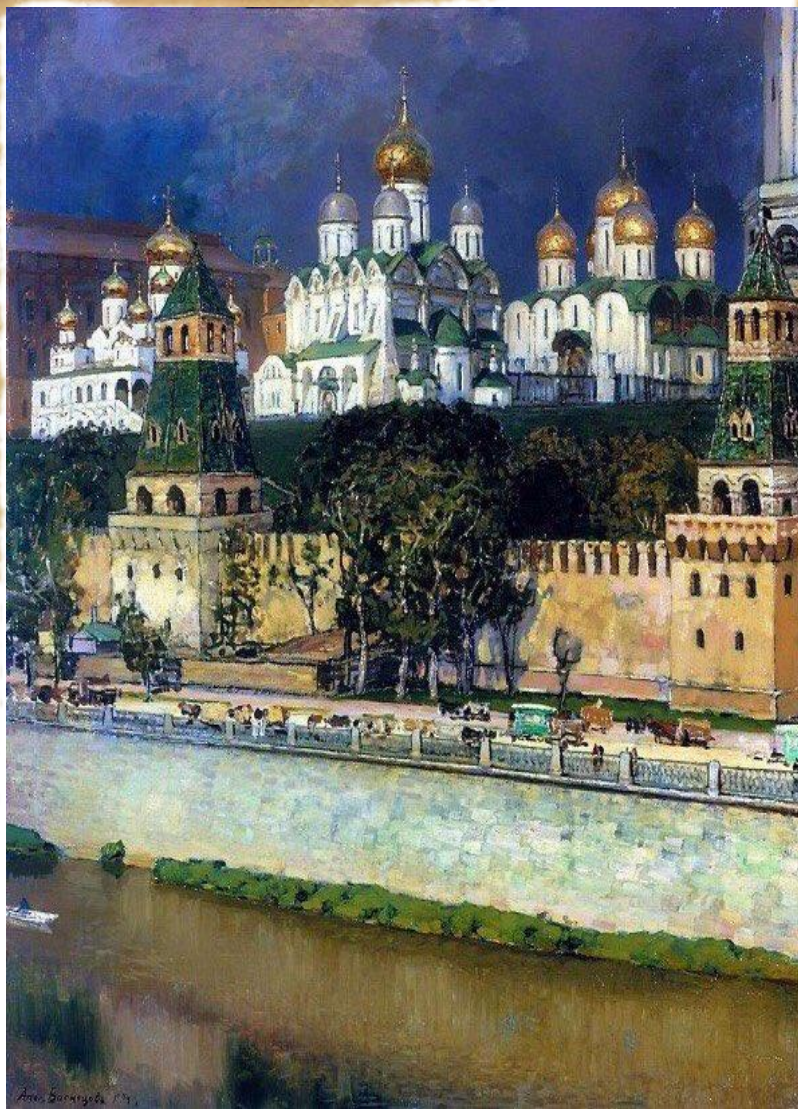
«СЛАВЕН, СЛАВЕН ГРАД МОСКВА!»

Спит Москва, Руси столица,
Сон спокойный людям снится.
Сторожа то там, то тут
В колотушки глухо бьют.
Темны улицы кривые,
Лают псы сторожевые,
Торопясь домой идёт
Запоздалый пешеход.
И под звёздным небосводом
Кремль, построенный
народом,
Словно сторож, над страной
Он стоит в тиши ночной.
Все ворота на засовах,
Сторожа из войск царёвых
Караулят пять ворот
Перекличкой в свой черёд.

У Фроловских начинают:
«Славен град Москва!» — кричат.
У Никольских отвечают:
«Славен Киев!» — говорят.
И у Троицких не спят:
«Славен Новгород!» — кричат.
«Славен Псков!» — у Боровицких.
«Славен Суздаль!» — у
Тайницких.
И гремят в ночи слова:
«Славен, славен град Москва!»
Славен город наших дедов,
В жизни многое изведав,
Сколько войн и сколько бед,
Сколько радостных побед!
И над всеми временами
Древний Кремль, хранимый нами,
Нас хранит из года в год —
Наша гордость и оплот!

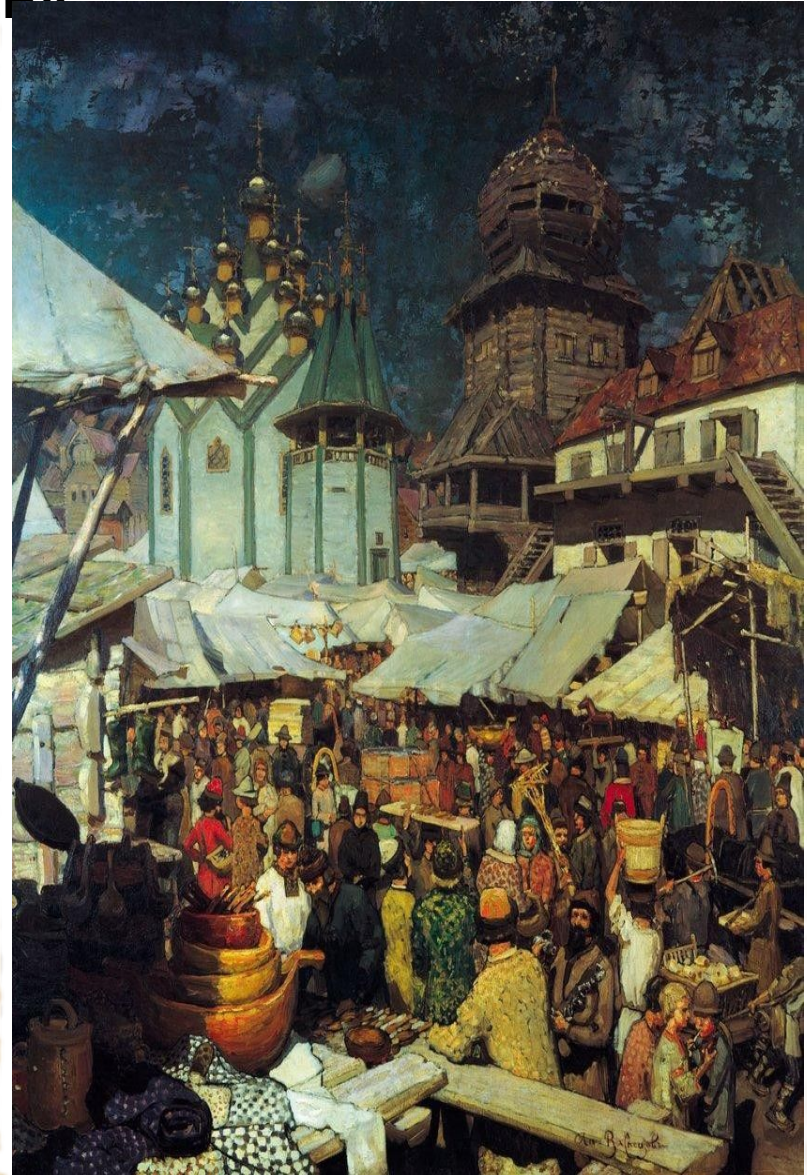
СЛАВА РУССКОЙ СТАРИНЕ!
СЛАВА НАШЕЙ СТОРОНЕ!

Ну-ка снимем шапки, братцы,
Да поклонимся Кремлю.
Это он помог собраться
Городам в одну семью.
Это он нам всем на славу
Создал русскую державу.
И стоит она века
Нерушима и крепка.
Времена теперь другие,
Как и мысли и дела.
Далеко ушла Россия
От страны, какой была.
В наше время, в наши годы
Против злобных вражьих сил
Все советские народы
Русский Кремль объединил.
Говорит он новым людям:
«Вечно в дружбе жить мы
будем!»
Умный, сильный наш народ
Далеко глядит вперёд.
А преданья старины
Забывать мы не должны.

1538 год

КАК БЫЛА ВОЗВЕДЕНА КИТАЙ-ГОРОДА СТЕНА

Погляди, читатель мой,
Вот он — страж Руси родной,
Кремль, в веках воспетый.
Мощной строгости полна,
Отовсюду всем видна
Гордость — крепость эта.
Стены башнями крепки,
В них проходы, тайники
И оружия склады.
Если враг нагрянет вдруг,
Кремль — защита. А вокруг
Разрослись посады.
Через площадь, под Кремлём
Возводя за домом дом,
Вырос город новый.
Вот он! Вслушайся, взгляни —
Вечно полон толкотни
Тот посад торговый.

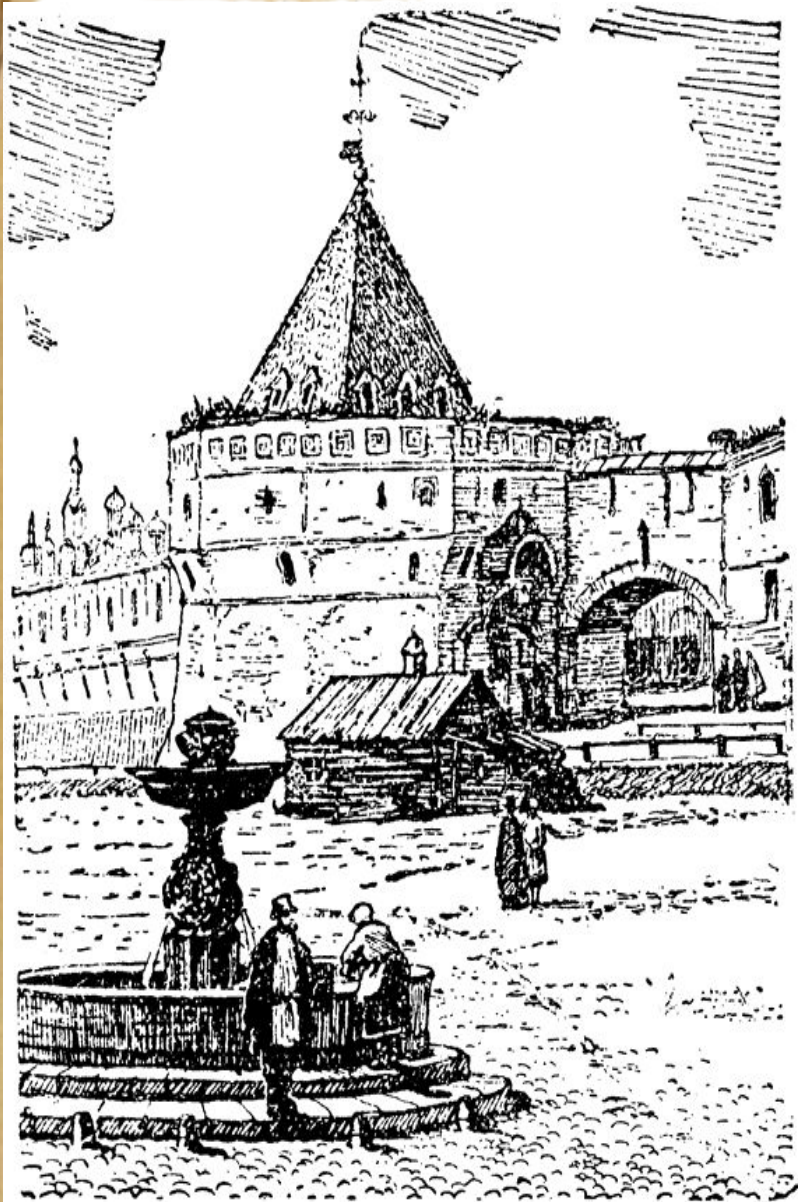

Тут и склады, и ряды,
И усадьбы, и сады
Всех купцов столицы, —
В день базарный весь посад
От палаток до палат
Шумно суетится.
И бежит поток живой
По московской мостовой —
Брусьям деревянным.
Стук колёс телег, карет,
Лапти шлёпают вослед
Сапожкам сафьянным.
Вот ряды: льняной, пушной,
Там суконный, платяной,
Здесь торгуют медью
Тут гремит посудный ряд,
Но сильнее всего гудят
По рядам со снедью.

Мясо, рыба, требуха,
Вон в котлах кипит уха,
Пахнет щами с мясом.
Пирожки в судках шипят,
Кадки рыжиков, опят,
Бочки с пивом, с квасом.
Меж рядов шумит народ,
На ходу и ест и пьёт,
Платье примеряет.
Нудно нищие поют,
И воришки тут как тут —
Меж купцов шныряют.
А напротив Кремль стоит.
Для народа он закрыт —
Там сидят бояре.
Зло и зависть там всегда,
А поднимется вражда —
Шум как на базаре...
И, угрюмы как сычи,
Прячут нос бородачи
В воротник бобровый.
Будто разные миры —
Те боярские дворы
И посад торговый...

Но приходит час войны.
Чем вокруг защищены
Все дворы в посадах?
Стены город берегут.
И решил московский люд:
Стену строить надо!
И вокруг посада встал
Земляной высокий вал,
Ров глубокий, узкий.
На валу плетень густой,
Назывался он «китой»
В старину по-русски.
Ой, «кита»-плетень высок,
Сбережёшь ли городок
От разбоя злого?
От тебя, видать, «кита»,
Родилось в Москве тогда
«Китай-город» слово!
Ой, «кита», стена «кита»!
Ты стена, да всё ж не та.
И тебе на смену,
Как пройдёт твоя пора,
Станут строить мастера
Крепостную стену!

Наши предки-москвичи
Обжигали кирпичи
Быстро и умело:
Вынимали из печей
Сотни тысяч кирпичей.
Закипело дело!
На Руси народ поёт,
Проливая кровь и пот,
Строя, защищая.
Песня греет мастеров, —
Клади стену, рыли ров,
Песню запевая.
И строители поют,
Облегчая песней труд,
И до самой ночи
Всё растёт, растёт стена.
Ой, болит, болит спина—
Разогнуть нет мочи!
И не знают мастера
Что от раннего утра
С башенки набатной
Наблюдает, схоронясь,
Царь — не царь и князь — не князь,
Мальчуган занятный.

Взор его горит огнём,
И корабликом на нём
Старая шапчонка.
Нос с горбинкой, пухлый рот
И потёртый отворот
Возле шеи тонкой.
Восьмилетний нелюдим,
Он растёт совсем один
Средь боярских козней.
Вез отца, запуган, тих,
Всех он сверстников своих
Старше и серьёзней.
Так стоит и смотрит он,
Растревожен, удивлён
Всем, что тут творится.
Что поют? Зачем нужна
Китай-городу стена?
От кого укрыться?
Он стоит. За ним в Кремле
Сто бояр сидят, во зле,
В зависти лютуя,
Перед ним его народ
Терпит, строит и поёт
Песню молодую.

Странный мальчик песне рад,
А над ним висит набат,
Провозвестник медный.
Знать бы людям — сколько раз
С этой башни даст приказ
Этот мальчик бедный.
Сколько раз за ним народ
На врага пойдёт в поход,
Чтоб сберечь столицу.
Сколько волею царя
Неповинной крови зря
Суждено пролиться!
Сколько славы и побед,
Сколько горя, сколько бед,
Правды и обмана!..
Кто бы знал, что мальчик тот
Незамеченным растёт
В Грозного Ивана!

